
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 003(038)

К ИСТОРИИ СЕМИОТИЧЕСКИХ ИДЕЙ: ТРИ «ЗНАКОВЫХ» ТРАКТАТА АВГУСТИНА

К.Д. СКРИПНИК*Ростовский филиал
Российской таможенной
академии**e-mail: skd53@mail.ru*

Рассматриваются взгляды Августина на природу знаков как в контексте предшествующих ему идей стоиков, так и по отношению к тезису о формировании семиотики в работах Соссюра и Пирса. В отличие от естественного понимания знаков у стоиков Августин формирует культурное понимание знака. Анализ текстов анализируемых трактатов позволяет утверждать, что Августин вполне может считаться основателем общего учения о знаках, одного из классических определений знака и важных тезисов относительно типологии знаков.

Ключевые слова: Августин, знак, знаки естественные и конвенциональные, собственные и переносные.

Пожалуй, в большой степени трюизмом является констатация того факта, что основателями современной семиотики являются Ф. де Соссюр и, независимо от него, Ч.С. Пирс. Соссюр по праву считается одним из основоположников семиотики, хотя и не написал какого-либо последовательного изложения ее проблем. Эта его роль основывается на небольшом фрагменте в изданном его учениками Ш.Балли и А.Сеше «Курсе общей лингвистики». Соссюр утверждал: «Язык есть система знаков, выражающих понятия, а, следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т.д., и т.п. Он только наиважнейшая из этих систем. Следовательно, можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а, следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее семиологией (от греческого «semeion», знак). Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. ...Лингвистика – только часть этой общей науки: законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя, таким образом, окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни»¹.

Пирс тесно связывал деятельность мышления с определенным триадическим отношением, которое он называл «знаковым». Прояснение упомянутого общего основания, общего принципа является одной из самых интересных задач при исследовании творчества Ч.Пирса.

---

¹ Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977. – С. 54.

Обращаясь к тому, что Пирс называл «*semeiotic*», теорией знаков в наиболее широком смысле, следует отметить, что она почти полностью отличается от того, что известно теперь под названием «семиотика» и что связано с именами Ф. де Соссюра и Ч. Морриса. Пирсовская «семейотика» следует теории знаков Дунса Скота и ее последующему развитию Иоанном св. Фомы. У Пирса знаковое отношение является триадическим отношением, специальным его видом – отношением репрезентации. В отношении репрезентации имеется три «элемента»: предмет («объект»), который репрезентируется другим предметом («репрезентамен»); третьим элементом является тот, для которого эта репрезентация предназначена и который называется «интерпретантом». При этом представление интерпретанту объекта и его репрезентамена происходит таким образом, что сам интерпретант принужден быть также репрезентаменом объекта другому интерпретанту в отношении репрезентации. Очевидно, что подобное определение влечет за собой бесконечную последовательность репрезентаменов объекта всякий раз, когда имеется один любой репрезентамен. Знаковое отношение является репрезентирующим отношением всякий раз, когда первый интерпретант (и, следовательно, каждый член всей бесконечной последовательности интерпретантов) познается мышлением («*is a cognition of a mind*»). В любом примере знакового отношения объект сигнифицируется мышлению неким знаком. «Знак, или репрезентамен, есть то, что заменяет нечто для кого-то в определенном аспекте или позиции. Он всегда к кому-то обращается, то есть создает в сознании этого лица эквивалентный или еще только формирующийся знак»². Одной из центральных задач для Пирса была задача анализа всех возможных видов знаков; важно подчеркнуть и то, что Пирса интересует в большей степени процесс семиозиса, процесс означивания, соотношения объекта и некоторого ментального представления, более динамические аспекты, нежели установление определенных статических отношений. Динамика процесса семиозиса у Пирса остается не до конца изученным феноменом. При этом нельзя не согласиться с В. Нётом, согласно которому «семиотика Пирса развивалась совершенно независимо от лингвистически ориентированной семиотики его современника Соссюра и опиралась на философию, в особенности на логику и теорию познания. В противоположность семиотике Соссюра и его последователей в семиотической лингвистике, то есть в противоположность семиотике, ориентированной на прикладное применение и постоянно опирающейся на модель языка, семиотика Пирса стремится к гносеологической всеобщности и, можно сказать, к метафизической универсальности»³.

Однако появление самого термина «семиотика» относится к гораздо более раннему времени: обычно считают, что в толковании, приближенном современному, его первым употребил Д. Локк. В самом конце «Опыта о человеческом разумении» читаем: «В третьих, следующий раздел [в разделении наук – К.С.] можно назвать *σημειωτική*, или «учение о знаках». И так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λόγική* – «логика». Задача логики – рассмотреть природу знаков, которыми ум пользуется для уразумения вещей или для передачи своего знания другим»⁴.

Однако трудно согласиться с той мыслью, что идея Локка появилась без определенной исторической традиции интереса и изучения знаков и их роли в познании и коммуникации. Действительно, первыми, пожалуй, в осознании немаловажной роли знаков были стоики⁵ и Аристотель. Так, например, Хризипп, говоря о диалектике, указывал на нее как на науку «о том, что обозначает, и то, что обозначается». Немало места занимают рассуждения о знаках и в другом источнике – сочинения Секста Эмпирика, который описывает не только природу знакового отношения как отношения между предметами, но и вводит различие между, по меньшей мере, двумя видами знаков: «один – воспоминательный, который является полезным преимущественно в условиях неясных вещей для известного момента; другой – показательный, который нужно принимать в условиях вещей, неявных по

² Pierce, Ch.S. *Logic as Semiotics: The Theory of Signs* // *Philosophical Writings of Pierce*. – N.Y., Dover Publinc., 1955. – P. 55.

³ Нёт, В. Чарльз Сандерс Пирс // *Критика и семиотика*. Вып.3/4, 2000. – С. 6.

⁴ Локк, Д. *Опыт о человеческом разумении*. Кн.IV, гл. 21 // Локк, Д. *Сочинения в трех томах*. – Т. 2. – М.: Мысль, 1985. – С. 200.

⁵ См., например, Hankinson, R.J. *Stoicism and Medicine* // *The Cambridge Companion to THE STOICS*. Ed. By Brad Inwood. – Cambridge: Cambridge Un.Pr., 2003. – P. 295-309.

природе»⁶. Определенным пиком античного взгляда на знак стали идеи Аристотеля, согласно которому знак есть «...то, при наличии чего вещь существует или при появлении чего она раньше или позже появляется, и есть знак появления или существования»⁷. При всех различиях знаковое отношения для античного взгляда – это отношение между предметами, один из которых выступает в качестве знака другого. В культуре античной Греции знак как σημείον выступал в качестве базы медицины, точнее, медицинской симптоматики, и, в общем, зависел от мира природы, но никак не культуры.

Даже утверждение стойков, что в знаковом отношении связываются три предмета (обозначаемый, обозначающий и «посредствующий», появляющийся между первыми двумя) не меняет принципиальной точки зрения. «Греки, пишет Д. Дили, рассуждали о знаке главным образом, или даже исключительно, в естественных терминах. Σημεῖον вообще не был тем, что сегодня мы назвали бы «знаком в общем» – он был тем, что адекватнее называть «естественным знаком в частности»⁸.

Принципиальные изменения появились лишь в работах Августина, интерес которого к изучению знаков проявлялся на протяжении всей его жизни. Наше внимание будет сосредоточено на трех⁹ его трактатах: «О диалектике»¹⁰ (приблизительно 387 г.), «Об учителе»¹¹ (389 г.) и «О христианском учении»¹² (книги I, II, и примерно две трети книги III – 397 г, хотя вся книга целиком была окончена лишь в 426 г.). В литературе высказываются сомнения в авторстве трактата «О диалектике», действительно ли он принадлежит Августину, но против этих сомнений говорит один из фрагментов книги Августина «Пересмотры» (Retractiones), в которой сам он упоминает этот труд как «оставшийся только в первой своей части», то есть как незаконченный. Не рассматривая подробно споры вокруг этой работы, примем ее аутентичность.

Нельзя говорить, что для Августина знаки представляли интерес сами по себе в качестве отдельной темы; нельзя говорить, следовательно, о нем и как о создателе некой теории знаков или создателе целостного семиотического взгляда на мир. Правильнее и адекватнее, как показывают тексты, говорить о дидактических целях, преследуемых Августином в исследовании природы знаков как вспомогательном учении в общей теории знания и обучения, преподавания и рассуждения («для упражнения силы и остроты ума»). Именно с этой точки зрения он характеризует диалектику в первом из указанных трактатов как науку о хорошем (правильном) рассуждении с использованием слов. Слово же есть «знак некоторого предмета, которое может быть понято слушателем, когда произносится говорящим» («*verbum est uniuscuiusque rei signum quod ab audiente positum intellegi, a loquente prolatum*»¹³). Под предметом же Августин, в отличие от античной традиции, понимает не только природные, естественные явления, но и явления культуры: предметом является все, что угодно, что дано органами чувств или пониманием или скрыто («*res est quidquid vet sentitur vel intellegitur vel latet*»). Тем самым Августин устанавливает, в отличие от своих предшественников, знаковое отношение между лингвистической сущностью, словом, и внелингвистическим предметом, то есть отношение обозначения, сигнификации определенного вида; мало того, здесь проявляется то, что в развитии современной семиотики было определенным шагом вперед, достигнутым гораздо позже Августина: знаковое отношение устанавливается в процессе коммуникации между

⁶ Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. – Т.1. – М.: Мысль, 1976. – С. 179.

⁷ Аристотель. Первая аналитика, II, гл. 27, 70a8. // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – С.252.

⁸ Deely, J. The Impact of Semiotics to Philosophy. – Helsinki, 2000. – P. 23.

⁹ В основном на указанных трех, хотя обратимся и к трактату «О Троице».

¹⁰ Augustine. De dialectica // доступ по: <http://www.georgetown.edu/faculty/jod/text/dialectica.html>. Имеется английский перевод Д. Маршэнда (J.Marchand) // доступ по: <http://www.georgetown.edu/faculty/jod/text/dialecticatrans.html>.

¹¹ Augustine. De Magistro (на русском языке) // доступ по: <http://filosof.historic.ru/books/a0000 I.shtml>; <http://aleteia.narod.ru/august/magistr.html>.

¹² Латинский текст и перевод на английский см.: Augustine. De Doctrina Christiana. Ed. and trans. By R.P.Green. – Oxford: Clarendon Pr., 1995. Перевод второй и третьей книг имеется на русском языке. Английский перевод доступен также по: <http://ccl.org/augustine/doctrine.html>.

¹³ Здесь и далее латинский текст будет выделяться курсивом. Если одновременно с русским вариантом приводится и латинский, это означает, что перевод мой; если латинского варианта нет, текст переводился иными авторами.

говорящим и слушателем, поскольку в центре такого процесса находится слово. И здесь же, в данном трактате, впервые формулируется определение знака, ставшее в дальнейшем практически классическим: «знак есть нечто, что демонстрирует себя чувствам, а нечто другое, чем он сам, – мышлению» («*signum est quod et se ipsum sensui et praeter se aliquid animo ostendit*»). Не менее важно, что знаковое отношение у Августина есть отношение триадическое: знак является знаком чего-то для кого-то (для чьего-то мышления).

В выдвигании на первый план устного слова в процессе коммуникации явно видны отголоски риторической традиции и обучения, проходящего главным образом в устной форме. Уже в наше время Деррида, критикуя подход Соссюра, специально акцентировал остроту критики на сосюрловском приоритете устного слова, полагая это его основным недостатком. На самом же деле это не более, чем методологический прием¹⁴, пионером в использовании которого стал Августин. Августин рассматривает речь (говорение) как дачу знака артикулированным голосом, а артикулированным, в свою очередь, является то, что способно фиксироваться с помощью букв. Коммуникативная функция является, таким образом, существенной для (лингвистического) знака. Эта мысль подтверждается в «О христианском учении»: «у нас только одна причина для обозначения, то есть для придания знака – вынуть и перенести в душу другого то, что производит в душе то, что создает знак» («*nec ulla causa est nobis significandi, id est signi dandi, nisi ad... traiciendum in alterius animum id quod animo gerit qui signum dat*»).

Роль букв Августин рассматривает следующим образом: любое слово звучит («*sonat*»), следовательно, когда оно написано, оно уже не является словом, но знаком слова: «когда читающий видит его, буквы попадают в мышление, которое вспыхивает в словах» («*Omne verbum sonat. Cum enim est in scripto, non verbum sed verbi signum est; quipped inspectis a legente litteris occurrit animo, quid voce prorumpat*»). Тогда написанное слово выступает в роли знака знака, или знака второго уровня и, если продолжить этот ряд, то «слово» является знаком слова и выступает в качестве следующего уровня обозначения.

Проясняя свою позицию, Августин вводит различие между четырьмя различными предметами. В первую очередь, если анализ касается самого слова, то оно выступает в качестве предмета, называемого «слово». То слово, которое воспринимается не ушами, а мышлением, и которое само закреплено в мышлении, называют «*dicibile*» (оно есть примерно то, что стойки называли «*lecton*»), то есть то, что понимается в слове. Если слово произносится для обозначения некоторого предмета, то оно называется «*dictio*» (произнесение, говорение); оно сигнифицирует само слово и то, что имеется в мышлении посредством этого слова, то есть обозначаемый этим словом предмет. И, в качестве четвертого выступает сам предмет. *Dictio* зависит в первую очередь от *dicibile*: в определении знака Августин принимает формулу, ограничивающую знак до *dictio* и не упоминает что-либо наподобие *dicibile*, от которого *dictio* зависит и без которого оно не могло бы быть. Во взаимоотношении *dictio* и *dicibile* проявляется проблема соотношения внутреннего слова, концепта (*verbum quod intus lucet*) и слова внешнего, то есть произнесенного (*verbum quod foris sonat*). В решении этой проблемы Августин терпит фиаско¹⁵, поскольку строго не проводит различие между просто физическим производством некоторого действия, являющегося причиной «бытия», но не причиной сигнификации, и иным случаем, когда причина бытия и причины сигнификации являются частью одного процесса.

Через небольшое время после трактата «О диалектике» в диалоге «Об учителе», действующими лицами которого выступает сам Августин и Адеодат, рано умерший сын Августина, которому ко времени написания диалога исполнилось 16 лет, Августин продолжает рассмотрение темы знаков. В диалоге наиболее явно видно то, что изучение знаков не является целью Августина, а предпринимается в дидактических целях, целях учения и обучения, ибо люди говорят тогда, когда им предстоит учить или учиться: говорят тогда, когда желают учить или припоминать. Учат же предметам, выражаемым словами, что может быть даже в том случае, когда не произносят ни слова, но представляют в уме слова, говорят внутренне, и, таким образом, люди припоминают, «когда память, хранящая слова, перебирает их и приводит на ум те самые предметы, знаками ко-

¹⁴ Подробнее анализ критики Деррида см.: Скрипник К.Д. Об одной принципиальной методологеме семиотического анализа // Симпозиум. Вып. № 1, ч.1., 2004.

¹⁵ Deely, J. Augustine and Peirce. The Protosemiotic Development. – L.: Univ. of Scranton pr., 2009.

торых эти слова служат». (Заметим эту мысль и вернемся к ней, обращаясь к тексту «О христианском учении».) Итак, слова есть знаки предметов: «Августин. Итак, мы согласны с тобой, что слова суть знаки. Адеодат. Согласны. Августин. А может ли знак быть знаком, если сам он ничего не значит? Адеодат. Нет, не может». Однако при разборе строки из Вергилия «Если из града такого богам ничего не угодно оставить!» на примере слова «ничего» выясняется, что не всякое слово – знак предмета: «данное слово в нашем стихе не есть знак, ибо не обозначает ничего, и мы или неправильно согласились с тобой в том, что все слова – знаки, или что знак необходимо что-либо означает». От второго «пункта согласия» отказаться невозможно, поэтому следует принять, что слово – не обязательно знак предмета, что и делает Августин, утверждая, что «этим словом обозначается не предмет, коего в действительности не существует, но состояние нашего духа, когда он предмета не видит и в то же время находит (или думает, что находит), что его нет».

Это следующий шаг проводимого Августином разбора: слово может быть знаком как предмета, так и того, что предметом не является – свойства предмета или, например, состояния духа; подобное утверждение знаменует переход к тому, что обозначаемым может быть не только то, что носит «природный» характер (подобно симптомам при диагностике болезней, о которых говорили стоики), но и характер «культурный». Ход дальнейшего рассуждения приводит к очередному этапу: знаками являются не только слова, но и жесты, движения, указания (пальцем). Во всем предыдущем рассмотрении речь идет об устном слове, что же касается слова написанного, то у Августина впервые в истории появляется тезис о том, что «написанное служит знаками тех знаков, которые произносятся вслух». Далее, при введении в рассмотрение «имени», выясняется, что слово выступает, помимо роли знака предмета и знака чего-либо мыслимого, еще в роли знака имени, мало того, сам знак выступает в двойной функции в зависимости от контекста: имеются знаки, «которые, означая другое, в то время означают и самих себя».

Постепенно круг замыкается утверждением, что не познание существует для знака, но наоборот, знак – для познания, поэтому «познание вещей, обозначаемых знаками, надлежит предпочитать познанию знаков». Но познание, согласно определенному выше, есть и припоминание с помощью слов, то бишь знаков; мало того, Августин признает ложным утверждение, согласно которому нет решительно ничего, что могло бы быть показано без знаков – «встречаются тысячи предметов, которые узнаются сами собою без всякого знака». «Правильно говорят, – продолжает Августин, – что когда произносятся слова, мы или знаем, что они значат, или не знаем; если знаем, то скорее припоминаем, чем учимся; если же не знаем, то и не припоминаем, а побуждаемся, пожалуй, к поискам этого значения». Как же выйти из сложившейся ситуации и к чему ведет Августин все это рассуждение? Вот тот искомый тезис: «Обо всем, постижимом для нас, мы спрашиваем не у того, кто говорит, тем самым произнося звуки внешним образом, а у самой внутренне присущей нашему уму истины, побуждаемые к этому, пожалуй, словами», и, далее, «слова не учат... а только используются как особые приемы, посредством которых спрашиваемый способен учиться внутренне». Учит же внутренним образом лишь один Учитель, и никого другого учителем назвать нельзя, «Учитель всех нас на небесах». И хотя польза слов вовсе не мала, Августин, отказываясь пока рассуждать о ней, утверждает в явном виде одно различие – различие внешнего слова и внутреннего знания. Но утверждая приоритет второго, он, и это особенно важно для нашего контекста, утверждает тем самым важность и первого, подтверждая серьезность и необходимость изучения знака и знаков, составляющего неотъемлемую часть познания. – Q.e.d.

В одном из конечных пассажей «De magistro» Августин говорит, как бы предвидя дальнейшие свои работы, что «о пользе слов вообще, которая, если хорошенько вдуматься, вовсе не мала, мы порассуждаем, если Бог поможет, в другое время». И именно эта мысль звучит уже во второй главе книги первой трактата «De doctrina christiana», написанного менее чем через 10 лет после «De magistro»: «Все учения есть учения либо о предметах, либо о знаках; но предметы изучаются посредством знаков» (*omnis doctrina vel rerum est vel signorum, sed res per signa discuntur*). Продолжая мысль, Августин дает четкое пояснение, что предметом он именуется все, что не служит знаком чего-либо другого, что имплицативно подразумевает базовую характеристику знака: знаком может быть что угодно, что указывает на что-то другое (кроме себя?). Так, например, агнец, который был подвергнут закланию вместо сына, является, скорее, знаком, хотя является, конечно,

предметом. Есть и другие знаки, которые никогда не используются в функции иной, кроме как знаковой, – это слова.

Основное содержание учения о знаках содержится во второй книге трактата «О христианском учении». В первой главе дается определение знака: «знак есть вещь, которая воздействует на чувства, помимо вида (*species*), заставляя придти на ум нечто иное» (*signum... est res praeter speciem quam ingerit sensibus, aliud aliquid ex se faciens in cogitationem venire*).

Августин подразделяет знаки на два главных класса: естественные знаки (*signa naturalia*) и данные знаки (*signa data*). Под первыми он имеет в виду те, которые, помимо себя, позволяют узнать и нечто другое: например, дым позволяет узнать и об огне, след – о прошедшем животном, выражение лица – о состоянии духа. Знаки данные, то есть конвенциональные, – «это те, которыми каждое живое существо, по взаимному согласию и насколько возможно, определяет себя для демонстрации волнения своей души, или чувств или каких-либо понятий» (*data vero signa sunt, quae sibi quaeque viventia invicem dant ad demonstrandos, quantum possunt, motus animi sui vel sensa aut intellecta quaelibet. Nec ulla causa est nobis significandi, id est signi dandi, nisi ad depromendum et traiciendum in alterius animum id, quod animo gerit, qui signum dat*). В литературе¹⁶, посвященной *signa data*, отсутствует единое понимание их природы, хотя большая часть исследователей интерпретирует их как конвенциональные знаки. Различие между указанными видами знаков можно понимать и как различие с точки зрения наличия или отсутствия «сигнификационной воли», намерения (интенции) использовать их для сигнификации. Естественные знаки появляются без данного намерения; *signa data* же появляются, только когда есть намерение сигнифицировать нечто, поэтому их возможно даже называть интенциональными, вернее, интенционально данными знаками. Другая точка зрения заключается в том, что данное подразделение знаков проводится согласно тому, имеется ли здесь отношение зависимости между знаком и объектом или знаком и субъектом. Дым означает огонь, поскольку огонь есть его причина, а *signa data* зависит от намерения, интенции субъекта по их появлению, но не по их значению. Кроме того, определение *signa data* является значительно более сложным по сравнению с определением *signum*, поскольку в определении *signa data* в явном виде включается коммуникация, в процессе которой имеются «отправитель» и «получатель» знака.

Знаки, которые используются людьми в процессе коммуникации, подразделяются согласно органам чувств, главным образом слуха и зрения, немногие – согласно другим чувствам. Первенство же среди знаков Августин отдает словам: «бесчисленное множество знаков преимущественно заключается в словах, коими люди выражают свои мысли. Ибо все роды знаков, которые я кратко упомянул, я мог выразить словами, но слов этими знаками [выразить] не мог бы никаким образом». «Слово» в смысле слова означает для Августина, как это ясно уже из «*De magistro*», устные слова, а поскольку последние «исчезают, не задерживаясь дольше, чем звучат, то знаки слов утверждаются с помощью букв». Тем самым вновь звучит мысль о том, что письмо (буквы) представляет собой как бы вторичную систему знаков, состоящую из знаков слов (*signa verborum*)¹⁷.

Как и прежде, речь о знаках ведется не ради самих знаков, а для решения тех задач, которые могли бы быть названы «педагогико-дидактическими»; если в рассматриваемом

¹⁶ См., например, Jackson, B.D. The Theory of Signs in St. Augustine's *De doctrina Christiana* // *Revue des études augustiniennes*. Vol.15. – 1969. – P. 9-49. Ср. с более общими работами, посвященными Августину, например: Macdonald, S. Augustine // *A Companion to philosophy in the middle ages*. Ed. by Jorge J. E. Gracia and Timothy B. N.Y.: Blackwell Publishing, 2002. – P. 154-171; Kirwan, Chris. Augustine's philosophy of language // *The Cambridge Companion to Augustine*. Ed. by E. Stump and N. Kretzmann. – Cambridge: Cambridge Un.Pr., 2006. P. 186 – 204; O'Daly, G. Augustine // *Routledge History of Philosophy*. Vol. II. From Aristotle to Augustine. Ed. by D. Furlley – L.: Routledge Publ.Co., 1999. – P. 389-429.

¹⁷ Подобная мысль встречается уже у Аристотеля: «... то, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письменна – знаки того, что в звукосочетаниях» (Аристотель. Об истолковании, 16а3-5 // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. – М.: Мысль, 1978. – С. 93.). Подробное сравнение взглядов Августина с его предшественниками – Аристотелем и стоиками – не является здесь нашей задачей; оно заслуживает отдельного подробного анализа с семиотической, логической и герменевтической точек зрения. Здесь следует, вероятно, лишь обратить внимание на имеющиеся параллели между некоторыми понятиями Августина и стоиков, в первую очередь, между августиновским *dicibile* и *lekton* стоиков.

трактате в качестве одной из задач является задача донесения до людей смысла и значения Писания, его адекватного понимания и истолкования, то среди причин, мешающих достижению адекватности, можно выделить сокрытие его под знаками нераспознанными или двусмысленными (когда знаки написаны). Поэтому Августин, пытаясь решить и эту задачу, подразделяет знаки, помимо подразделения их на естественные и конвенциональные, на собственные и переносные. Собственными знаками «называются тогда, когда прикладываются к означаемым вещам, для выражения которых они установлены, например, мы говорим «вол», когда подразумеваем «животное», которое все люди вместе с нами называют этим латинским именем»¹⁸. Переносными же знаками бывают тогда, «когда и те же самые вещи, которые мы обозначаем собственными словами, употребляются и для обозначения чего-либо другого...»¹⁹.

В близкой аналогии предпочтения устного слова слову письменному выстроено более позднее предпочтение устного (произнесенного) слова слову внутреннему, ментальному (*verbum mentis*). Внутреннее слово (*verbum interius*) и есть слово в подлинном смысле, в то время как устное, внешнее слово есть не более, чем просто знак слова. «...слово, звучащее извне, есть знак слова, видимого изнутри; и скорее последнему подходит имя слова. Ибо то, что произносится плотскими устами, есть [как бы] голос слова, и само называется словом на основании того, для внешнего выявления которого оно используется»²⁰. Слова устные, пишет Августин, «посредством определенных бестелесных образов наличествуют для тех, кто их мыслит и, молча, таит в душе»²¹. Мышление есть процесс, реализуемый посредством ментальных слов: «...мы должны достичь того слова человеческого, слова разумного животного, слова образа Божия <...> которое предшествует всем знакам, каковыми обозначается, и которое рождается из знания, пребывающего в душе, когда то самое знание проговаривается внутренним образом так, как оно есть»²². Воспроизводя эти рассуждения Августина, С.Мейер-Озер очень точно отмечает одну из важных дихотомий и затруднений, с которыми сталкивается учение о знаках Августина: «*Verbum mentis*, соответствующее тому, что позднее было названо *conceptus mentis*, не принадлежит к какому-либо отдельному устному языку типа латинского или греческого. Итак, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, что лингвистическая терминология (например, *verbum*, *locution*, *oratio*, *dicere* и т.д.) используется для описания феномена и в то время подчеркивается его независимость от любого языка»²³.

Подводя итоги, обратимся к тому, что вынесено в заглавие данной статьи. Рассмотренные трактаты Августина действительно следует понимать как «знаковые» в двойной перспективе. Перспектива содержательная связана с тем, что в указанных трактатах значительное место уделено понятию знака, видам знаков и роли знаков в познании и мышлении, возможностям использования знаков в интерпретации Св.Писания и герменевтике. Так или иначе, указанная перспектива заставляет сформулировать коренной вопрос – вопрос о том, можно ли (и насколько это обоснованно) считать Августина подлинным отцом семиотики. Так, Ц.Тодоров дает, кажется, вполне однозначный ответ, когда он характеризует трактат «*De doctrina christiana*» как книгу, «которую скорее, чем любую иную, должно рассматривать в качестве первого настоящего труда по семиотике»²⁴. К этой же оценке склоняется, кажется, и Б.Джексон. Д.Дили, не соглашаясь с Тодоровым, признает только, что Августин обосновал то понимание знака, которое сделало семиотику возможной, и ограничивает вклад Августина, утверждая, что его рассмотрения – это лишь «протосемиотика». Подлинная семиотика – дело гораздо более позднего времени.

Но именно в этом случае работы Августина следует считать «знаковыми» в том смысле, в каком мы говорим о «знаковых» событиях в любой сфере: они начинают новый, оригинальный этап в развитии гуманитарной мысли, вовлекая в исследования зна-

¹⁸ Augustine. De Doctrina Christiana, II, X.

¹⁹ Там же.

²⁰ Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан / перевод, вступительная статья и примечания А.А.Тащиана. – Краснодар: Глагол, 2004. – С. 363.

²¹ Там же.

²² Там же, с.364.

²³ Цит. по: Скрипник, К.Д. Семиотика: глоссарий ключевых терминов. – Ростов н/Д, 2010. – С. 150.

²⁴ Тодоров, Ц. Теория символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 32

ка не только явления природы, но и явления мысли, культуры в самом широком смысле. Исследованиями знака именно в трактатах Августина заложена была целая традиция, и в ее экспликации следует обратиться и к предшествующему Августину этапу (к работам Аристотеля и стоиков), и к последующим работам, связанным с исследованием знаков в работах Р.Бэкона, Боэция, Килуорби, спекулятивных грамматиков, иберийской школы, в частности, Пуансо, вплоть до нового и новейшего времени, работ Локка, Декарта, Пирса и Соссюра. Речь должна идти не только об отдельных работах, но и о взаимоотношениях и взаимовлияниях целых направлений гуманитарной мысли, в частности, взаимоотношениях семиотики (учения о знаках), логики и риторики.

Список литературы

1. Августин Аврелий. О Троице: в пятнадцати книгах против ариан / перевод, вступительная статья и примечания А.А.Тащиана. – Краснодар: Глагол, 2004.
2. Аристотель. Об истолковании, 16a3-5 // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.2. – М.: Мысль, 1978.
3. Аристотель. Первая аналитика, II, гл. 27, 70a8. // Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978.
4. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении. Кн. IV, гл. 21 // Локк, Д. Сочинения в трех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1985.
5. Нёт, В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. Вып. 3/4, 2000. – С. 6.
6. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. – Т.1. – М.: Мысль, 1976.
7. Скрипник К.Д. Об одной принципиальной методологеме семиотического анализа // Симпозиум. Вып. № 1, ч.1., 2004.
8. Скрипник, К.Д. Семиотика: глоссарий ключевых терминов. – Ростов н/Д, 2010.
9. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
10. Тодоров, Ц. Теории символа. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
11. Augustine. De dialectica // доступ по: <http://www.georgetown.edu/faculty/jod/text/dialectica.html>.
12. Augustine. De Magistro (на русском языке) // доступ по: <http://filosof.historic.ru/books/a00001.shtml>; <http://aleteia.narod.ru/august/magistr.html>.
13. Deely, J. The Impact of Semiotics to Philosophy. – Helsinki, 2000.
14. Hankinson, R.J. Stoicism and Medicine // The Cambridge Companion to THE STOICS. Ed. By Brad Inwood. – Cambridge: Cambridge Un.Pr., 2003.
15. Jackson, B.D. The Theory of Signs in St. Augustine's De doctrina Christiana // Revue des etudes augustiniennes. Vol.15. – 1969.
16. Kirwan, Chris. Augustine's philosophy of language // The Cambridge Companion to Augustine. Ed. by E. Stump and N. Kretzmann. – Cambridge: Cambridge Un.Pr., 2006.
17. Macdonald, S. Augustine // A Companion to philosophy in the middle ages. Ed. by Jorge J. E. Gracia and Timothy B. – N.Y.: Blackwell Publishing, 2002.
18. O'Daly, G. Augustine // Routledge History of Philosophy. Vol. II. From Aristotle to Augustine. Ed. by D. Furley – L.: Routledge Publ.Co., 1999.
19. Pierce, Ch.S. Logic as Semiotics: The Theory of Signs // Philosophical Writings of Pierce. – N.Y., Dover Publ.inc., 1955.

TOWARDS THE HISTORY OF SEMIOTICS' IDEAS: THREE ST. AUGUSTINE'S SIGN'S TREATISES

K.D. SKRIPNIK

*Russian Customs
Academy, Rostov
Branch*

e-mail: skd53@mail.ru

St. Augustine's views on the nature of signs are considered in the historical context in comparison with stoics and the ideas of Ch. Pierce and F. de Saussure. St. Augustine formed the new, «cultural», understanding of sign's nature. The analysis of three St. Augustine treatises makes the possibility for asserting that St. Augustine may be considered as the real founder of the general sign's studies; he is the author of classic definition of sign and fundamental sign's typology.

Key words: St. Augustine, sign, natural and conventional, proper and figurative signs.